

О ФОРМИРОВАНИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОДХОДА К НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются преимущества и ограничения, обусловленные тем, какой ракурс применяет ученый, анализируя свой объект изучения. Наиболее существенные отличия обнаруживаются при сравнении методов, опирающихся на ранее созданные исторические описания и документы, и подходов, основанных на свидетельствах историка-очевидца. Учет этих отличий необходим при обосновании итоговой исторической оценки культурных процессов, особенно если эти процессы лишь недавно отошли в прошлое, либо и сегодня продолжают оставаться достоянием «текущего исторического момента».

К. Kurlenya

FORMATION OF THE RESEARCH APPROACH TO THE NEWEST HISTORY OF CULTURE

Formation of a historian's research position essentially influences the final result of his/her work. Advantages and restrictions conditioned by the view, which is used by the scientist, are considered in the article. The most essential differences are found out while comparing methods, which base on earlier created historical descriptions and documents, and approaches determined by the evidence of a historian-witness. Consideration of these differences is necessary for substantiation of the final historical estimation of cultural processes, especially if these processes have only recently gone to the past or if they are remaining to be the property of the "current historical moment".

О сути исторического метода существует столь обширная литература, что сама идея дать ей беглый анализ представляется безнадежно невыполнимой. И все же, пере-

смотрим методологической проблематики — дело и неизбежное, и для историка в известном смысле обязательное. Ибо исторический метод не бывает всеобъемлюще

универсальным, поскольку, если предположить обратное, его логические конструкции должны быть протянуты в бесконечность и определять историю хотя бы в главных своих чертах, чисто теоретически на любом этапе ее развития. В этом случае погибает возможность реальной истории, основанной на систематизации подлинной жизни с ее исходной противоречивостью, непоследовательностью, а порой и настоящей непредсказуемостью развития как локальных, так и глобальных ситуаций. Исходя из этой посылки, давно и обосновано претендующей на роль аксиомы исторического познания действительности, следует, что эмпирический материал, пусть даже минимальный, изучаемый историком как часть единого исторического процесса, требует учета своей специфики и в какой-то мере корректирует метод, применяемый к нему исследователем. Как образно заметил Р. Дж. Коллингвуд, «история обретает соответствующий ей метод, когда историк помещает свои источники на свидетельское место и путем перекрестного допроса извлекает из них информацию, которую скрывают исходные свидетельства либо потому, что их авторы не желают ее дать, либо потому, что они не имеют ее»¹. Вопрос лишь в том, как много у историка реальных и потенциальных источников, страдает ли он от их недостатка и скудности, или, напротив, испытывает трудности с выбором из доступного потока избыточествующей информации необходимого и достаточного фактологического и документального материала.

Не менее важно и то, с какими вопросами историк обращается к «своему» материалу, что он стремится выяснить? Каковы, наконец, его представления о той самой истине, которую он ищет? Да и только ли в поисках объективной истины, прячущейся в прошлом цивилизации, состоит смысл работы историка? Наконец, какой истина является ему? Законченной, всеобъемлюще целостной и абсолютной или только приоткрывает человеку конечному и смертному часть своей бесконечной глубины? И чем ее

измерить, особенно когда предмет исторического изучения не столь продолжителен во времени, и к тому же едва отошел от современности, лишь приобретает статус исторического прошлого? Образ беспристрастного историка-следователя и приемы перекрестного допроса, применяемые к немым свидетелям былого, тут едва ли будут уместны, хотя тщательной проверки данных на подлинность, разумеется, никто не отменял.

Когда же речь заходит об интерпретациях разными людьми общественных и художественных процессов, непосредственными участниками которых они являлись, содержательная сторона истории необычайно раздвигается. К ней уже необходимо причислять не только фактологию самих этих процессов, но также мнения и оценки лиц, их инициировавших и поддерживавших, даже если ими владели самые, что ни на есть, тяжелые заблуждения относительно подлинных конечных результатов проявляемых общественных и творческих инициатив. Тут уже истина истории предстает как череда интеллектуальных поисков и заблуждений, которые характеризуют свое время не фактами исторических свершений, а, скорее, трудно формализуемыми понятиями «духа времени», актуальными умонастроениями, вкусами, системами ценностей, свойственными некоторому историческому периоду.

Из сказанного следует, что представлять себе историческое исследование как простую инвентаризацию неких свидетельских показаний, отражающих разнообразие событий и интеллектуальное богатство предшествующего человеческого опыта, было бы слишком грубым упрощением, коль скоро этот опыт становится предметом профессионального интереса историка. Следовательно, отношения историка с действительностью необходимо рассматривать как отдельную проблему, глубина проработки которой в значительной мере определяет успех всего исследовательского предприятия. Другими словами, установление отношений между реальностью, понятой как предмет изучения, и ее исследователем является не-

обходимым условием для всякого научного, в том числе и исторического дискурса.

Фигура историка до известной степени парадоксальна. Это не репортер, не рассказчик, не голый систематик свидетельств, для которого любовь к порядку намертво срослась со вкусом к пропаганде своего политического или эстетического кредо. И вместе с тем историк в соответствии с природой своего профессионального интереса соединяет в себе все упомянутые виды деятельности, придавая им, однако, совершенно иной, гораздо более высокий статус. Высота этого статуса, назовем его историческим взглядом на действительность, определяется даже не столько методологией рассмотрения, сколько задачей предприятия — переработкой определенного объема эмпирических данных в логически обусловленную умозрительную конструкцию. Не следует также упускать из виду, что немалую роль в этом процессе играют личные качества исследователя, ведь продукт его деятельности — исторический дискурс — в конечном итоге показывает историку возможности его собственного ума.

Таким образом, если попытаться учесть все множество подходов к деятельности историка, обусловленных многозначностью смысла предпринимаемых им усилий, то можно прийти к нескольким утверждениям:

- *во-первых*, его поиски разворачиваются в непосредственной близости от логических структур текстов, с которыми ему приходится иметь дело, и речи, которая участвует и в создании того, что мы называем свидетельствами очевидцев, и в создании конечного продукта — исторического исследования;

- *во-вторых*, историк, в принципе, не выходит за рамки этих логических структур, подчас вообще выносит за пределы своей работы обсуждение их особенностей. Но даже сознательно учитывая их специфику, историк все же не ставит под сомнение логические структуры текста или совокупности текстов, образующие как противоречивые, так и непротиворечивые свидетельства.

Он пытается выявить конституирующие слои, обусловившие как сами тексты, так и общую логическую конструкцию сообщений из прошлого, и на этой основе смоделировать ход мысли, так сказать, «угол зрения», логические доминанты, которые обусловили описания событий именно в том виде, в каком они дошли до современности.

Разнообразие задач, стоящих перед историком, и не менее богатый выбор исследовательских методов обусловили известную широту практического, функционального предназначения фигуры историка. В минимальном случае она необходима для того, чтобы засвидетельствовать некоторую хронологию и фактологию наличного состояния культуры, в максимальном — историк оставляет нам более или менее целостное описание какого-то определенного времени. Причем само по себе оно не является реальностью, но именно по нему мы только и можем себе представить реальное былое.

Нет необходимости отрицать, что работа с фактологией была и остается основой всякой научно-исторической деятельности. Но в данном случае хотелось бы заострить внимание на другом аспекте труда историка. Столь же верным, как и предыдущее утверждение, является и то, что история есть воспроизведение прошлого в сознании историка, оформленное затем в виде определенного текста или группы текстов. Причем это прошлое не мертво именно благодаря историческому взгляду на него, потому что при посредничестве историка мы включаем это прошлое в современный опыт и в современную мысль и открываем перед собой новые возможности, критикуя наследие свершившегося опыта и используя его для нашего продвижения вперед, в будущее. *Но историк многие данные для своей работы получает не из личного свидетельства, а опять-таки из истории*, из когда-то задокументированных и каким-то образом проинтерпретированных событий. У него далеко не всегда есть возможность обратиться непосредственно к фактам. То есть его данные часто получены не в ходе непосредственно-

го наблюдения, а из той самой ранее сотворенной истории, которую он продолжает создавать новыми исследованиями.

В этом плане роль личности историка невозможно переоценить, поскольку он выступает не как пассивный наблюдатель, констатирующий и верифицирующий какие-либо события, а как подлинный творец истории. Но творит ее он иначе, чем исторический деятель, не действием, а интерпретацией действия, а также реинтерпретацией однажды истолкованного материала, установлением системы взаимосвязей между событиями прошлого и настоящего. Поэтому при формулировании окончательных оценок анализируемых событий от позиции историка, избранной им «точки наблюдения» за объектом своего изучения зависит очень многое, если не все.

История культуры, особенно история недавняя, еще не полностью отошедшая в прошлое, представляет исследователю — современнику, свидетелю, а иногда и участнику изучаемых событий — достаточно широкий выбор вполне оправданных позиций, которые можно «занять» по отношению к фактологии избранного для изучения периода.

Знания, почерпнутые из непосредственного наблюдения, не только осознанные, но и пережитые в личном опыте, несомненно, обладают для историка особой ценностью. Но то, что дано нам в нашем индивидуальном личном опыте, существенно отличается от информации, полученной иными путями; из анализа документов, чужих свидетельств, произведений искусства, предметов материальной культуры. Тем самым ход рассуждений невольно затрагивает область гносеологии, где формируются важнейшие контуры познавательного процесса в истории. Именно здесь вступают в силу давно известные абстрактно-логические антиномии, порождающие череду дихотомических членений всех изучаемых объектов. В соответствии с ними в каждом событии высвечиваются парные противоположности, такие как «область материи» и «область сущности», «истины факта» и «истины разума».

С их помощью стремятся запечатлеть и продемонстрировать, как, с одной стороны, непосредственное восприятие историка, улавливающее «здесь и теперь», превращает реальность со всей присущей ей фактологией жизни, в фактологию истории. С другой же стороны, не менее отчетливо выражено требование к историку с помощью абстрактного мышления «осветить» область повсеместного и непреходящего, принявшего вид конкретной цепи событий, доступных первоначальному эмпирическому изучению.

Не углубляясь более в эту сферу, заметим только, что позиция историка все же не может быть сведена к некому балансированию между противостоящими элементами упомянутых дихотомий, относящихся к реальности как совокупность условных допущений. Она не сводима к ловкому «наведению мостов» между журналистикой и философствованием, между непосредственным восприятием преходящих ситуаций, так сказать, «глазами очевидца» и дискурсивным познанием логики исторического процесса. Деятельность историка в любом случае сохраняет серьезность и полностью остается в сфере дискурсивного познания всего, что является преходящим и конкретным. В результате труд историка представляется не беспечной игрой его ума «в интерьере» намеренно разведенных абстрактных противоположностей познавательного метода, а процессом создания исторического знания, предстающего в виде как можно более обоснованной версии событий, обусловленной целостной системой причинностей, свойственной определенному времени.

Что же касается позиции конкретного историка, то здесь необходимо отметить, что работа вслед уже созданным и ныне создаваемым историческим описаниям одних и тех же фактов, произведений, биографий демонстрирует и развивает опыт параллельного письма, из которого историк обязан уметь извлекать уроки. К ним относится, например, необходимость учета и переработки тех самых «точек зрения» многочисленных авторов, выстраивающих свои ин-

дивидуальные дискурсы по поводу общей для всех фактологии. И вот как раз по отношению к последней складываются существенные коллизии для выработки взвешенной индивидуальной позиции историка.

Нередко кажется, что знание «изнутри» некоторых ситуаций, которым историк был очевидцем или понимание которых он усвоил с детства, будучи воспитанным в границах определенной культурной традиции, снабдит его определенными методологическими преимуществами. Особенно в той части, где, сконцентрированы «наши», сугубо профессиональные культурологические или искусствоведческие проблемы. Однако мираж гносеологического превосходства, какое-то время поддерживаемый личным знанием причин, воздействовавших на культурную ситуацию, или прочувствованное отношение к традициям, отразившимся в конкретно-исторической фактологии, в итоге все-таки не приводят к более глубокому пониманию сути изучаемого исторического процесса. Причины всегда так и остаются факторами внешнего воздействия, а культурная ситуация, как будто развиваясь в соответствии с давлением на нее этих внешних воздействий, по-прежнему остается многомерной и от того потенциально многозначной, загадочной и до конца непостижимой. Из этого следует, что *позиция «внутреннего наблюдателя истории»* не дает историку столь желанных прогностических преимуществ. Тем самым подтверждается старая истина, что самое трудное — это предвидеть собственное будущее, распознать ход вещей, касающихся того, что внутреннему наблюдателю как раз и представляется самым близким и естественным, того, что он считает «своими» проблемами.

Поэтому историк культуры не должен уповать на близость к себе профессиональных искусствоведческих или близких к культуре проблем и определенную отдаленность проблем иного свойства. Дистанция между историком культуры и проблемами культуры, оказывается такой же, как между ним же и проблемами, к примеру, поли-

тики и экономики. То есть, «наши» проблемы равноудалены от нас, как и «не наши», состояние культуры оказывается равноотстоящим для исторического взгляда, как и состояние политической ситуации.

Еще одно важное обстоятельство, неизбежное в позиции внутреннего наблюдателя — *это гораздо более высокая степень риска намеренной или произвольной избирательности* в подходе к изучаемым артефактам и связанной с ними фактологии. Бесспорно, что каждый историк независимо от его позиции («внутренней» или «внешней») неизбежно осуществляет цензуру в выборе исторически значимого материала. Но с позиции внутреннего наблюдателя его пристрастность или, наоборот, объективность в деле отбора так называемых существенных событий и суждений проходит еще одно, совершенно особенное испытание. Причем, чтобы почувствовать его предостерегающее предупреждение, историку необходима известная проницательность. Ведь понимать «изнутри», значит, выковырять из множества эмоционально окрашенных суждений самого историка нечто объективное, осмысленное, *рационализированное*. И как раз с этой рационализацией возникают определенные проблемы: как тонко заметил Ж. Деррида, «На специальном языке психоанализа это иногда связывают с активной свержинтерпретацией: благодаря ей порядок *post factum* привносится туда, где его первоначально не было; в результате чего извлекается преимущество, пусть сводящееся к интеллигентности или к простому акту обладания смыслом (*de la simple signifiante*)»².

То есть умозаключения, извлеченные из прежде эмоционально окрашенного опыта историка-свидетеля бесстрастным рассудочным путем, воздвигают между этим самым личным опытом историка и его дискурсом невидимую, но по настоящему непроницаемую границу. Однажды использованные в качестве фактологического источника личные наблюдения меняют свою природу; им «примысливается» якобы первоначально не распознанная

внутренним наблюдателем причинность и целесообразность — результат гораздо более поздних раздумий и холодных умозаключений, отстраненных от эмоциональности когда-то пережитого опыта. Именно взаимная удаленность во времени процесса переживания ситуации и ее последующего обдумывания вскрывает известную и неустрашимую противоречивость позиции внутреннего наблюдателя. В итоге она рискует оказаться, по меньшей мере, невостребованной, по большей — бесполезной. И дабы избежать этих крайностей, историк обязан, хотя бы в основах методологии исследования, различать в своей научной позиции *личного свидетельского опыта и процесс получения из него исторической фактологии, свободной от позднейших, как бы своевременных незамеченных закономерностей.*

И, наконец, невозможно обойти молчанием еще одну проблему, которую историк, выражающий точку зрения внутреннего наблюдателя, подчас не отделяет от себя, не осознает ее как внешний по отношению к себе фактор влияния. Скорее, напротив, он ощущает ее магическое очарование как наилучшее выражение своего индивидуального понимания ситуации, как чистое личное самовыражение. Дело в том, что внутренний наблюдатель неизбежно остается замкнутым (хотя бы в силу воспитания, образования, профессиональных интересов) в какой-то определенной социокультурной среде. Он срастается с ней, являясь как бы ее продолжением. Поэтому его личное отношение к событиям всегда в некоторой степени стремится к взаимному отождествлению с мнением той самой среды, взгляды и интересы которой сформировали его как исследователя. Здесь налицо опасность растворения тонких, многочисленных и подчас важных различий между коллективным мнением социальной группы и индивидуальным мнением историка. Вот почему позиции внутреннего наблюдателя по определению должна быть свойственна особая внутренняя напряженность, обусловленная требованием самоконтроля, сопротивления конвенцио-

нальным, точнее, корпоративным мнениям и оценкам, которые историк считает близкими собственному миропониманию.

И все же не следует думать, что позиция внутреннего наблюдателя во всем противоречива и непоследовательна, от чего историку ее надлежит всячески избегать. Напротив, у нее есть и определенные преимущества, их также следует вкратце затронуть. Главное, что при соблюдении некоторых условий, касающихся как историка, так и специфики описываемых им событий, *позиция внутреннего наблюдателя оказывается единственной, дающей исследователю право свидетельствовать вообще.* Следует помнить, что эта точка зрения все-таки одна только и предоставляет первичное описание фактологии, самое подробное и закладывающее основы будущих реинтерпретаций. Позиция внутреннего наблюдателя особенно эффективна, если историк последовательно и бдительно приводит в соответствие собственную непосредственную рефлексию, способ изложения, формы письма с фиксируемыми таким образом референтами. Так схватывается «дух времени», появляется эффект присутствия самой вещи. И вместе с тем нейтрализуется любая внешняя теоретическая конструкция, любая нарочитая интерпретация. Дистанция между историком и историей как будто аннулируется, текст как будто бы не содержит в себе никакой концептуально окрашенной точки зрения. Но именно в этом пункте формирования исторического исследования голос свидетеля, современника, преклоняющегося перед «фактами» и «вещами», оказывается наиболее убедительным.

Но, конечно, это не значит, что текст, появившийся в результате реализации позиции внутреннего наблюдателя будет полностью описательным, не содержащим никакой теории. Хотя на первый взгляд так и должно казаться. Это лишь будет означать, что смысл истории возникает не благодаря самопроекции автора на зафиксированную им фактологию, что смысл этот не конституирован историком. Здесь факты заклады-

вают фундамент будущей теории исторического процесса, они «выковывают» эту теорию из хаоса событий своего времени. Смысл истории оказывается произведенным как бы самими объектами исторического описания, в результате чего возникает совершенно особый характер свидетельства — уникальный и доступный лишь очевидцу, когда факты имманентно соответствуют теории и в качестве таковых образуют некоторую «правду жизни».

В результате, «внутренний наблюдатель» возвращает историческое описание к самим вещам. Его взгляд на явления провозглашает освобождение от внешних спекулятивных соображений, подчиняющих себе интерпретацию фактологии — от прогностических соблазнов, замешанных на любой телеологии, эсхатологии или иной доктрине, провозглашающей господство целей. В то же время упомянутые спекулятивные соображения как возможность, а порой и как необходимость, присутствуют в любых иных концепциях исторического описания. Они неизбежны, если историк безраздельно принимает по каким-либо причинам точку зрения внешнего наблюдателя. Тут смысл истории проявляется не в самораскрытии теоретического потенциала фактологии, а в соединении последней с неизбежной концепционной умозрительностью, «накладываемой» поверх однажды зафиксированного материала с целью вскрыть причинность, иным способом не улавливаемую. Соответственно, референт находится уже не только в сфере событий и их естественной внутренней взаимосвязи, но и в области теории, понятой как внешний и до известной степени универсальный инструмент интерпретации событий прошлого и настоящего.

Возвращаясь к особенностям позиции внутреннего наблюдателя, еще раз напомним, что она, фиксируя историю через переживание и опыт историка, оставляет где-то в глубинах описания неизбежную прогностическую неопределенность. Речь идет о неопределенности, связанной не с отрицанием естественной причинности в цепи

событий, а об отсутствии прогноза, полученного умозрительным конструированием образа будущего с помощью известных методологий. Открытость будущему при последовательной реализации такой научной позиции выражается не в моделировании его возможных контуров, а *в чистой форме присутствия*, в возможности погрузиться в ситуацию и получить шанс вновь «прожить ее» изнутри, откуда будущее вовсе не кажется осознанно выбранной перспективой исторического процесса.

Тем самым позиция внутреннего наблюдателя и результат ее последовательного осуществления — исторический дискурс, текст, появившийся в результате его построения, — сам неизбежно будет анализироваться на известном временном удалении как исторический артефакт, получая некоторое количество интерпретаций. Но свидетельствующий внутренний наблюдатель так навсегда и останется первым в этой цепи; у него есть привилегия — воспроизводить фактологию, не полагая, что при этом невольно ее обновляешь под влиянием некоторых общераспространенных методологических парадигм. Его «стремление к историческому познанию и интерпретативной формализации является, — как указывает Ж. Деррида, — минимальным условием “ответственного” письма — в том, что относится к истории и историографии, не говоря уже о других видах ответственности»³. Таким образом, ответственность внутреннего наблюдателя и связанный с нею научный риск, мера объективности в освещении фактов остаются комплексом его персональных проблем. Он обязан верить только самому себе, своей честности и собственному чувству дистанции между личным мнением, с одной стороны, и событиями и вещами — с другой.

Всех этих преимуществ лишен историк, имеющий дело с позицией внешнего наблюдателя. И одной из первых проблем, вызванных «сторонней» или, правильнее сказать, отстраненной точкой зрения, является так называемое «овнешнение» исторических свидетельств, невозможное в случае с внут-

ренным наблюдателем и неизбежное при любых других подходах. Историк, обратившийся к свидетельствам и документам, уже выполненным до него, должен быть вооружен изрядной долей скептицизма и недоверия к своим источникам. Вот где становится уместной ранее упомянутая ситуация «перекрестного допроса» исторических свидетельств! И все равно историку придется в какой-то степени доверять им, поскольку опора на фактологию не может быть отменена недоверием, возведенным в статус основного научного метода.

Но по какому праву доверять, если речь идет не о собственных наблюдениях, а о чужих свидетельствах, которые, как учит нас опыт, далеко не всегда можно проверить? Получается, что на основании личного доверия к источнику историк должен счесть его свидетельства истинными. Источник выступает в роли авторитета. Но тогда история превращается, если специально заострить наши выводы, в веру в истинность чьих-то свидетельств, воспоминаний и документов, подлинность которых во многих случаях тоже бывает не бесспорной. Складывается впечатление, что при таком понимании проблемы историка и его науки историческая истина в готовой форме уже содержится в высказываниях и текстах тех самых авторитетов, свидетельствами которых располагает ученый. Он как будто бы лишается возможности выйти в своем дискурсе за пределы источника, руководствуясь личными теоретическими соображениями, которых в источниках, разумеется, нет и не может быть. Здесь назревает серьезное противоречие между историком и свидетельствами, с которыми он имеет дело. Либо он должен принимать их целиком, отказываясь от каких-либо толкований и реконструкции прошлого, т. е. верить им полностью. Либо рискует заразиться бациллами агностицизма, отрицая саму возможность достоверного знания о прошлом. Либо искать способ в каких-то пределах преобразовывать и видоизменять информацию, полученную на основе первичных свидетельств, что в известной

мере рассогласовывает его личные выводы с данными источников (авторитетов).

В первом случае вера исследователя своим авторитетом безгранична и слепа; чтобы ею верить, надо прежде встать на колени. Вряд ли кто-то из историков сочтет эту позу удобной для себя и приличествующей статусу ученого. Во втором случае он рискует с головой погрузиться в классификацию и статистический учет происходящего на его глазах или когда-то произошедшего и зафиксированного предшественниками. Однако статистика сама по себе ничего не дает, если с ее помощью невозможно сделать обобщения, «оживляющие» прошлое в глазах современников, если при этом ценность накопленного предшественниками исторического опыта для ныне здравствующих людей так и не формулируется. Как заметил Р. Дж. Коллингвуд, «статистические исследования для историка — хороший слуга, но плохой господин»⁴. Поэтому остается третий путь, который так или иначе реализуют все историки, занимающие по каким-либо причинам позицию внешнего наблюдателя. Речь идет о построении картины прошлого в соответствии с присущей историку системой убеждений и знаний; когда за реконструированный образ былого полную ответственность несет именно историк, а не его источники и не теоретические концепции, которыми он руководствуется в своем поиске исторической истины.

Там, где привилегия взгляда изнутри невозможна, где фактичность не может быть описана как естественным образом складывающаяся теория, аргументами и конструкциями которой являются факты сами по себе, особое значение приобретает оценка событий, формулируемая историком. Эпоха как Сфинкс с его извечной неразгаданностью противопоставляет способности ученого к анализу точек зрения на изучаемый предмет, к построению ретроспективы. Как раз возможность ретроспективного обзора с его осмотрительностью и неприятием скоропалительных вердиктов позволяет оценивающему взгляду историка взять реванш у сво-

его Сфинкса. То есть ученый получает свободу систематически выносить прошлому свои оценки. Однако он делает это не параллельно феноменологическому мотиву самооценки вещей, своей судьбой сплетающихся с судьбою внутреннего наблюдателя, свидетельствующего и одновременно

переживающего свое свидетельство как непосредственное живое настоящее. Его оценки — часть общей, совокупной оценочной концепции, в результате построения которой современники ученого должны узнать то, к чему устремлялись основные помыслы и интересы культуры исследуемой эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. — М.: Наука, 1980. — С. 226.

² *Деррида Ж.* Back from Moscow, in the USSR // Жак Деррида в Москве; Пер. с фр. и англ. / Предисл. М.К. Рыклина. — М.: РИК Культура, 1993. — С. 14.

³ Там же. С. 70.

⁴ *Коллингвуд Р. Дж.* Указ. соч. С. 217.